

Үорнер МУНН

ҚОЛЪІРQ
МЕРЛІНРА

Книга первая

Крестный сын Мерлина

Уорнер Мунн

Повелитель земного предела

Мунн У.

Повелитель земного предела / У. Мунн — — (Крестный сын Мерлина)

Американский писатель-фантаст Уорнер Мунн по праву считается классиком литературы в жанре фэнтези. Его знаменитая дилогия «Кольцо Мерлина» уже несколько десятков лет занимает ведущее место в парадах популярности фантастической литературы. «Кольцо Мерлина» — это удивительная летопись, где сказка и вымысел переплетаются с реалистично написанными событиями. Герои У. Мунна путешествуют по загадочному, неведомому миру, в котором современный читатель сразу угадает Латинскую Америку. Древние боги, духи воды и земли, чудовища, таящиеся в джунглях, колдуны и маги оживают на страницах этой грандиозной эпопеи. В настоящее издание вошли первые две части дилогии «Повелитель Земного Предела» и «Корабль из Атлантиды». Прим. библиотекаря: выходные данные и аннотация сохранены в том виде, в каком они были в издании СЗ. На самом же деле цикл называется «Крестный сын Мерлина» (Merlin's Godson) и является не дилогией, а трилогией.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЗАБЫТЫЙ ЛЕГИОН	6
АРТУР, МЕРЛИН И ВИВИАН	11
СПЯЩИЙ И ПРОВИДЕЦ	15
МАЛЕНЬКИЙ КОРАБЛЬ И ВЕЛИКОЕ МОРЕ	20
ОСТРОВ БРАНДОНА	25
ПОТЕРПЕВШИЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Уорнер Мунн

Повелитель земного предела

ПРОЛОГ

После пронесшегося над Ки Уэст опустошительного урагана какой-то ветеран, занятый на восстановительных работах, извлек из-под завалов мусора и кораллов истощенный и позеленевший от времени бронзовый цилиндр. Распознав в находке вещь чрезвычайно древнюю – хоть и отнеся ее ошибочно к периоду испанской оккупации острова – человек этот рассудил, что цилиндр будет представлять большую ценность в нераскрытом виде, и отнес его в городской музей, где мне случилось в те годы работать хранителем.

Я вскрыл цилиндр в присутствии старого солдата, который посулил мне одну десятую возможного клада в случае, если последний не представляет исторического интереса.

К обоюдному нашему удивлению, в цилиндре оказались плотно скрученные пергаментные свитки с нижеприведенным посланием, написанным на тяжеловесной солдатской латыни.

Я начал переводить текст вслух, и глаза моего посетителя засверкали: он услышал донесшийся к нему через века голос родственной отважной души.

Я тоже взволновался – но от страсти подлинного антиквара, так как знал, что ко времени написания этого текста Рим уже пал, Западную Империю расчленили варвары, и лишь Константинополь еще хранил малую толику былого Римского величия и могущества. И, тем не менее, спустя сорок лет после падения Рима некий человек писал Римскому Императору!

Приди это письмо вовремя, вся история мира сложилась бы совершенно иначе. Но послание не достигло адресата – и не сбылись надежды его доблестного автора. Дадим же слово ему самому.

ЗАБЫТЫЙ ЛЕГИОН

Кто бы ты ни был, Император, правящий в Риме, – приветствуя тебя!

Я, Вендиций Варрон, бывший центурион Артура, Императора Британии, а ныне – Повелитель Земного Предела, известный здесь под именами Нуцитон Уитцлипотчи и Атохаро, посылаю это донесение с моим единственным сыном, который обращается к тебе с просьбой узаконить мой высокий титул и разрешить передавать его по наследству.

Я полагаю, что пять полных поколений уже успели смениться с тех пор, как римские легионы окончательно ушли из Британии, и, возможно, факты, изложенные в первой части данных записок, к настоящему времени общеизвестны в Риме. Но, поскольку твердой уверенности в этом у меня нет, я чувствую себя обязанным рассказать все по порядку. Отнесись же снисходительно к многословным воспоминаниям старого солдата, покрытого шрамами на службе отечеству, коего он никогда не видел.

Как ни тяжело мне думать, что Британия, покинутая мною сорок лет назад, до сих пор находится под властью саксонских пиратов, все же я вынужден допустить такую возможность: я прекрасно помню, как мало помощи мы получали – если получали вообще – в течение предыдущего столетия.

О, когда во времена моего прадеда мы, Британские Римляне, возвзвали о помощи к Аэцию, когда мы говорили, что, отозвав свой легион, он оставил нас беззащитными, разве получили мы в ответ хотя бы одну когорту?

Нет, хотя предупреждали, что Британия будет потеряна! Так оно и случилось – если только не справедливы слова Мерлина-пророка о том, что Рим отказался от Британии сознательно, как от земли, представляющей малую ценность.

Но как могу поверить в это я, которому прекрасно известно, как плодородна почва, как богаты рудники и обилен рыбный промысел в Британии? Нет, тут кроется что-то иное, и Мерлин сказал мне, что именно.

Наступал закат великой эпохи. Опустошенный варварами мир лежал в руинах, но к нам, в Британию сто лет не доносилось никаких новостей из-за моря; одни лишь сомнительные слухи, что передавали ненавидящие Рим саксы.

Саксы встречали наши галеры и военные корабли, двадцать против одного, и топили их. Они разоряли наше побережье: жгли, мародерствовали и грабили, пока, наконец, у нас не осталось ни одного круглого судна, которое осмелилось бы пересечь пролив, – и торговля зачахла. Даже рыболовные суда не решались отходить слишком далеко от берега. Драконоголовые корабли саксов сторожили все морские пути.

Я, конечно, рискую наскучить тебе старой историей, но мне необходимо кратко описать события, последовавшие за отзывом легионов, когда в Британии остались лишь считанные воины сильно поредевшего Шестого Победоносного Легиона, занимавшего позицию в Эборакуме и на Стене.

Если все это тебе известно, пропусти эту часть повествования. Далее последует рассказ о предметах, совершенно для тебя новых, ибо я – единственный оставшийся в живых римлянин, который воочию видел описанные ниже чудеса.

Итак, когда император Гонорий издал приказ об отзыве войск, Двенадцатый Легион погрузился на корабли и отплыл, оставив Дева и всю западную часть страны открытой для набегов воинственных племен силуров. Затем Девятый Легион покинул Раты и оставил без защиты все низинные земли.

Двумя годами позже Второй Легион покинул Иска Силлуруум – и ничто больше не мешало пиратам подниматься вверх по течению широкой Сабрины.

Наконец ушла большая часть Шестого, и консул, не имеющий достаточно сил для удержания Стены, отступил с войсками дальше на юг, оставив Эборакум пиктам и саксам, которые немедленно заняли последний и осели там.

Британия, конечно, могла бы сохранить свободу, если бы все города договорились между собой и совместными усилиями собрали единую армию. Среди местного населения было много мужей со смелыми сердцами и римской военной выучкой; некоторых из них вербовал Шестой Легион в целях пополнения своих рядов. Но это было все равно, что разбавлять вино водой.

Города, в которых производился набор, перессорились между собой, ибо каждый пытался удержать воинов в своих стенах. И в результате они, слишком слабые, чтобы поодиноке отразить нападение, поодиночке же и пали. Тем временем мелкие британские князьки собирали своих приверженцев и основывали совершенно независимые от полисов крохотные королевства, большинство которых позже было уничтожено или захвачено оккупантами.

В конце концов, Шестой Легион – после трех поколений войн и новых призов до сих пор именующий себя Римским Победоносным и верный своим орлам – отступил в горы Дэм nonии, последнюю твердыню Британии.

Теперь же я должен подробнее остановиться на истории своей собственной семьи и поведать о том, как на ней отразились все эти события.

Незнакомец! Сначала скажу о себе. Итак, я – Вендиций Варрон, римлянин до мозга костей – хотя никогда не видел прекрасного города на Тибре, как не видел его и мой отец. Он родился в Британии от матери-britанки и со стороны своего отца унаследовал лишь четверть чистой римской крови. И все же я – римлянин, преданный Риму и отдавший всю любовь и тоску сердца восхитительному городу, который мне не суждено увидеть никогда в жизни!

В истории моей семьи отразилась вся трагедия Британии. Когда моего прадеда призвали в армию, дед мой был еще грудным младенцем. Большинство римских воинов пало в сражениях, и от гарнизонов оставались жалкие остатки – но ко времени вступления в легион моего деда на голых костях римской военной организации уже наросло кое-что достаточно прочное. Образно говоря, мозги по-прежнему оставались римскими, но плоть стала британской.

Шестой сражался с пиктами, скоттами и саксами, и варвары, уже успевшие укрепить свое положение, были снова выбиты с позиций и оттеснены к морю. Следующий год мог окончательно решить исход борьбы в нашу пользу – но именно тогда Рим отозвал свои войска из Британии.

Срочно требовались люди – Рим сам находился в опасности. Мой дед отправился по следам своего отца, в безвестность. Он никогда не вернулся назад, как не вернулся никто из новобранцев, и его жена, оставшаяся с четырьмя детьми, среди которых был и мой отец, перебралась дальше на запад, к горам Камбрии, и вырастила свое потомство в Вирикониуме.

Больше Рим не присыпал к нам наместников, ни чиновников – ни высоких, ни низких. Сильно поредевший Шестой Легион продолжал удерживать наши крепости на западе, но лучшие его воины полегли в сражениях, и я даже не знаю, где находятся их могилы.

Потом против нас повернули юты, саксы и англы, которые время от времени выступали против пиктов на нашей стороне, и моя мать бежала через Кэмбрийскую границу, оглядываясь на пылающий Вирикониум, где наряду с другими доблестными воинами сражался и погиб мой отец во имяувековечения славы Рима на землях Британии.

Раннее мое детство прошло в странствиях по дикой Кимре. Ее отважный народ некогда бросил вызов Риму и разбил брошенные на него легионы. К тому времени эта земля осталась единственным уголком в Британии, свободным от угрозы саксонского нашествия и хранящим, как это ни странно, культуру Рима.

Теперь я переходжу к повествованию о годах моей собственной жизни – к событиям, о которых ты должен знать.

Среди кимров жил один странный человек, известный местному населению под именем Мерлина, а живущим по ту сторону границы – под именем Амброзия. Человек благородного облика, с величественными манерами, с ниспадающей на грудь белой бородой и со взглядом, внушающим трепет. Человек, происхождение которого скрывалось покровом тайны.

Если верить слухам, Мерлин появился на свет от какого-то демона во времена правления короля Вертигера, сразу после рождения был крещен неким Блэйзом, духовником его матери – и таким образом стал христианином, сохранив при этом демоническую способность к волшебству, ясновидению и пророчеству. Иные предполагали в нем великую мудрость, безусловно свидетельствующую о его бессмертии, и утверждали, что он появился на свет еще во времена сотворения мира, сразу восьмидесятилетним старцем, с течением лет набирая все большую и большую мудрость!

Более вероятно, однако, что Мерлин был всего лишь найденышем, воспитанным и посвященным в тайное знание друидами, которые доныне совершают свои древние обряды в Камбрии. Пусть позже он и принял христианство – но в его сердце друидизм всегда противостоял христианским тенетам.

Как известно, мудрецы древности обладали знанием, недоступным для нас, людей эпохи упадка, и мозг Мерлина хранил множество тайн, включая и способ продления жизни.

Я sogben годами, убелен сединами, изможден и почти беззуб, а Мерлин на всем протяжении нашего знакомства оставался таким, каким – судя по описанию моей матери – был в те отдаленные времена, когда она, еще совсем молодой женщиной, впервые увидела его: он шагал среди холмов Камбрии – бодрый, крепкий, сильный, – держа за руку маленького Артура, который едва поспевал за широким шагом старика.

Должно быть, они шли на поиски Антора, друга Мерлина. Именно Антору старый чародей отдал Артура на воспитание, и только благодаря неустанной заботе этого человека мальчик превратился в Артура долгожданного и бессмертного, Артура Императора, великого Пендрагона и диктатора, которому лишь вероломное предательство помешало стать спасителем Британии.

В то время Артур был лет на пятнадцать старше меня, грудного ребенка, не имеющего никакого представления о кипящих вокруг событиях. А к тому времени, когда я натирал себе мозоли в упражнениях с мечом и копьем, Артур уже предводительствовал набегами на земли саксов.

Старые изувеченные в боях солдаты из рассеянных по Камбрии остатков Легиона вымуштровали отряды свирепых камбrijских юношей до поразительного сходства с железными когортами Рима. И снова кузнецы ковали белые клинки из красного железа, снова заводили разговор храповики и собачки на карробаллистиах и катапультах; и наконец призрак старого Легиона пересек границу – осененный ветхими знаменами, в потрепанных доспехах и с помятыми щитами.

Но Легион шел в полном составе! Мечи наши были отполированы до блеска, луки туго и стрелы остры (лук нес с собой каждый – будь то кавалерист или простой легионер) – и сверкающие в авангарде имперские орлы придавали нам смелости.

Шестой Легион, Победоносный! Привет тебе и прощай! Удобренные твоими костями поля Британии теперь зеленеют еще сочней.

К солдатам вернулось что-то от старого имперского духа. Вирикониум был захвачен, потерян и взят снова – и кимры хлынули через границу, воскрешая призраки былой славы. По равнине за стенами города скакали косматые камбrijские пони. Какая жалкая пародия на громовые атаки римской конницы! Но саксонские пехотинцы были разбиты в этой атаке – и с течением дней мы проникали все глубже на территорию врага, шаг за шагом отвоевывая Британскую землю, чтобы снова сделать ее свободной для нас, влюбленных в Рим и навсегда разлученных с ним.

То тут, то там среди тучных равнин наталкивались мы на великолепных коней и кобыл, и к тому времени, когда войско Артура достаточно окрепло для того, чтобы встретиться в решительном сражении с превосходящими его силами саксов, три сотни наших всадников смели на своем пути стену из вражеских щитов. Саксы бежали, оставив нас хозяевами поля в первом же крупном сражении, и вслед им бросились катафрахтари, которые рубили и топтали врага столь доблестно, что из оставшихся в живых воинов Артур сформировал впоследствии свой благородный отряд рыцарей.

Их кожаные доспехи с бронзовыми заклепками были заменены латами; для них выращивали более сильных коней, способных нести дополнительную тяжесть; и наконец – в то время как Артур праздновал триумф за триумфом, а полководцы и короли называли его amerадаром (императором) – появился на свет Круглый Стол и высокое собрание в Иска Силлуруме.

Так от битвы к битве продвигались мы вперед; наша слава росла, уверенность в собственных силах крепла и все новые солдаты пополняли наши ряды. Ночами мы бесшумно шли вдоль вражеских берегов в плетеных из ивняка и обтянутых кожей рыбачьих ченах, проскальзывали мимо стоящих на якоре длинных саксонских кораблей – и так продвигались вперед до тех пор, пока едва различимые глазу сигнальные костры на вершинах далеких холмов не обозначили границ освобожденной Британии.

Легион наш увеличился почти вдвое, и солдаты, угрожающие ворча, ждали только приказа уничтожить остатки саксов. А тут еще подоспело неожиданное подкрепление из Арморики – наши соотечественники через моря пришли к нам на помощь на своих круглых кораблях и галерах.

Мерлин обратился к ним с призывом о помощи – я они благородно откликнулись.

В то время у нас был всего один военный корабль, «Придвен» – огромная парусная галера, построенная наудачу по найденным в одной древней книге чертежам, чтобы таранить и переворачивать вражеские суда. На протяжении многих веков ничего подобного не появлялось в британских водах. Корабль этот, вооруженный баллистами и стрелометами, приводился в движение веслами и парусами; с его бортов нависали галереи – средство против абордажа, – и «Придвен» возвышался над неповоротливыми круглыми кораблями и низкими галерами, словно гордый петух среди своего семейства: всеобщий защитник и покровитель.

Варвары уже выступили против нас из Уэссекса, а вражеский флот с тыла подошел к наземным войскам.

Мы встретились у горы Бадон и провели весь день и большую часть длинной лунной ночи в кровавой резне, в то время как на воде союзный флот покрыл себя славой.

Арморикские, ибернийские и саксонские галеры трещали по всем швам и полыхали огнем, взметавшимся до небес. В самой гуще судов, разбрасывая зажигательные снаряды и давя врагов форштевнем, двигался «Придвен» – наша плавучая крепость.

А потом для нас наступил мир; пришло время жить спокойно, любить и отдыхать, а для некоторых – время вынашивать планы предательства.

Мерлин задумал женить Артура на Гвенивере, дочери благородного полководца Лаоде-гана из Кармелиды. Переодетый Артур отправился туда, чтобы перед сватовством взглянуть на невесту, и прибыл в город как раз вовремя. Стены Кармелида были осаждены воинственными горными разбойниками – но закованные в латы рыцари Артура разбили неприятеля наголову и отогнали далеко от города.

Войдя в Кармелид, Мерлин от лица Артура потребовал награды для спасителя города: руку Гвениверы.

Кое-кто потом болтал, что Мерлин сам устроил и нападение разбойников, и чудесное освобождение Кармелида, но я об этом ничего не знаю, ибо в то время находился далеко от тех мест. Однако я признаю Мерлина способным на подобный поступок: ум его часто выбирал

окольные тропинки; человек этот был не из тех, кто идет напрямик, если путь к цели можно украсить каким-нибудь зреющим эффектом.

Однако на сей раз (если предположить, что эти сплетни правдивы) любовь Мерлина к показным трюкам сгубила и его самого, и Артура, и Гвениверу – и Британию. Ведь к тому времени Гвенивера уже любила некоего юношу по имени Ланселок, и он отвечал ей взаимностью.

Артур уже начал стареть; Гвенивера и Ланселок были значительно моложе него, и союз их казался вполне естественным – но разве мог честолюбивый отец отказать великому Пендрагону, спасителю города? Лаодеган повелел, Гвенивера как подобает послушной дочери повиновалась, – и начало злу было положено.

«Запретный плод слаще всех» – гласит древнее изречение. О том, что творится в императорской постели знали все вокруг, лишь благородный Артур, смелая и чистая душа, оставался в неведении долгие годы.

Но наконец некие Агривэйн и Медрод, родственники короля, которые стремились к власти, полагая, что достичь ее проще всего унизвив владельца, принялись шпионить, наушничать и изливать яд на все дорогое сердцу Артура – и с этим рухнули все наши надежды на будущее Британии.

Ланселок, Агривэйн и Медрод с родичами, вассалами и друзьями бежали в Уэссекс, спасаясь от гнева своего правителя.

Здесь они объединились с остатками саксонских сил и послали за море весть о том, что отныне пираты могут без опаски подходить к берегам Британии и безнаказанно убивать, насиливать и грабить, ибо король Артур поражен в самое сердце, а Рим давно забыл о своей потерянной колонии.

Так Шестой Легион снова выступил в поход, а саксы двинулись ему навстречу. Две огромные армии шли к роковому полю Камлан – и к погибели всей нашей славы!

АРТУР, МЕРЛИН И ВИВИАН

Не стану докучать моему Императору описанием этой катастрофы, ибо, несомненно, о печальных событиях того проклятого дня тебе рассказывали столь подробно, что ты имеешь куда более ясное представление о битве, нежели я сам. В конце концов, я был всего лишь центурионом, не посвященным в общий план сражения. Однако все наши планы расстроил густой холодный туман, спустившийся на поле в самом начале битвы: очень скоро наше войско рассыпалось на небольшие отряды, которые охотились за такими же разрозненными группами противника, убивая и принимая смерть в многочисленных ожесточенных схватках.

Потом, по мере угасания дня лязг оружия начал постепенно стихать. Потеряв свою цензурию, я долго блуждал в тумане один – и наконец спешился с коня, которого ранее поймал скачущим без седока по полю битвы, и повел его вдоль берега, в то время как набегавшие на песок волны шепотом пели скорбный реквием всем моим надеждам. Казалось, сырой непроницаемый туман обволакивал и мою душу.

Небольшое солоноватое озеро, в котором я намеревался напоить коня, отделяла от моря узкая полоска суши – и, услышав плеск мелких волн среди зарослей осоки, обступающих сравнительно пресную воду, я свернул налево. Ни звука не раздавалось вокруг, лишь изредка вскрикивала морская птица, летящая вслепую сквозь туман.

С протяжным вздохом конь поднял голову от воды; в этот момент туман внезапно рассеялся, и передо мной открылось пространство, протяженностью ярдов в сто. Мы стояли на краю узкого заливчика, а на противоположном его берегу я увидел страшные свидетельства кровопролитной битвы.

Мертвые тела лежали в воде и густо усеивали подернутый туманной дымкой песок. Но там были не только трупы.

Истекающий кровью человек лежал, приподнявшись на локте, а над ним склонялся мертвенно-бледный рыцарь. Доспехи воинов были изрублены в куски и залиты кровью. Я узнал обоих.

В умирающем воине я узнал Артура, в другом же – которому он слабым голосом приказывал что-то – одного из самых верных вассалов короля, сэра Бедвира. Я окликнул их, но Артур был слишком слаб или слишком поглощен своими мыслями, чтобы услышать меня. Однако сэр Бедвир глянул в мою сторону и поднял руку, призывая меня к молчанию.

Артур повторил приказ, и на сей раз сэр Бедвир повиновался: он поднял огромный меч Артура, Калибурн, и скрылся с ним в тумане. Холодная завеса снова опустилась передо мной; сквозь туман я двинулся верхом вокруг залива – и наконец, заслышив голоса, остановился.

– На сей раз ты не ослушался меня? – спросил Артур.

– С глубоким прискорбием я выполнил твой приказ, мой король.

– И что ты видел и слышал?

– Я бросил меч в воду, как ты повелел – и когда он описывал в воздухе сверкающую дугу, вдруг раздался душераздирающий стон, и из воды высунулась длинная рука в пристежном рукаве из белой парчи. Рука поймала Калибурн, трижды взмахнула им и увлекла под воду, в то время как над озером зазвучал хор голосов, исполненных горечи и печали.

– Итак, Калибурн вернулся в ту руку, которая вручила его мне, и будет доверен следующему спасителю Британии. Странно, что я ничего не слышал.

– Да, мой король, как ни горько, но слух твой уже внемлет не земным звукам.

– Так скоро? Едва я успел начать свое дело!

И с этим восклицанием Артур закрыл глаза. Я направился к раненому, не в силах понять, смерть ли осенила его своим крылом или это простой обморок.

Сэр Бедвир двинулся мне навстречу и шепотом разъяснил смысл сцены, свидетелем которой я оказался.

– По-видимому, он потерял голову от отчаяния. Раны его опасны, но едва ли повлекли бы за собой смерть, сумей я остановить кровотечение. Мне кажется, что душа его умирает. Повелитель твердо убежден, что наступил конец – для него, для всех нас и для Британии. Вот почему он попросил меня бросить его великий меч в озеро.

Да простит меня Бог? Я – рыцарь, нарушивший клятву. Я согнал умирающему. Можешь ли ты понять меня, центурион? Как мог я выбросить Калибурн? Этот меч стал символом для нашего народа. После смерти Артура остатки нашей армии смогут сплотиться лишь вокруг некой святыни. Ты знаешь сам: толпа нуждается в кумире – будь то герой, орел или священная реликвия. Солдаты превращаются в титанов, когда им есть что защищать и есть за чем следовать; иначе они всего лишь – простые люди, боящиеся смерти и боли. Они будут драться, как демоны, лишь бы меч Артура не попал в руки саксов.

Я опустился на колени и принял обследование глубокие раны на боку и на бедре короля, но все мои попытки остановить кровотечение оказались не более удачными, чем попытки сэра Бедвира. Последний помогал мне перевязать Артура, между делом продолжая повествование.

– И вот я бросил в озеро украшенные драгоценностями ножны и согнал своему королю. Не было никакой руки в парчовом рукаве и никаких скорбных стенаний над озером – лишь круги на воде да вскрик морской птицы.

– То же самое было бы, если бы ты бросил и меч вслед за ножнами, – пробормотал я. – Оторви-ка мне еще одну полосу от этой рубашки.

Рыцарь печально улыбнулся.

– Если Артур умрет сейчас, то умрет со спокойной душой: полагая, по крайней мере, что я выполнил его приказ. А если он выживет, то, надеюсь, поймет благородство моих побуждений и простит меня. Как ты думаешь, правильно я поступил?

– Безусловно, – согласился я. – С мечом Артура в руках мы можем бежать в горы, собрать вокруг себя новые силы и снова пойти на врага. Только бы остановить это проклятое кровотечение!

Губы Артура приобрели землистый оттенок, и я удивлялся тому, что он еще дышит, ибо каждый слабый вздох его казался последним.

Услышав звук шагов, я вскинул голову и схватился за меч, но тут же расслабился. Около нас стояли старцы в длинных просторных одеяниях, с бородами, какие носят мудрецы, – это появился Мерлин со своими Девятью Бардами, и никогда еще я так не радовался при виде этой таинственной личности, как сейчас.

Мерлин не стал терять времени на разговоры, но отстранил нас обоих, быстро осмотрел раны, надавил пальцами на основание черепа и на две точки на спине Артура, потом знаком велел нам отойти.

– Великий Пендрогон умирает.

Барды начали горестно причитать, но мудрец оборвал их.

– Тише! Это нам не поможет. Исцелить короля я не в силах, лишь время может сделать это. Но я могу приостановить его угасание до тех пор, пока мы не найдем безопасного укрытия.

Щупальца тумана подползали к нам все ближе и становились все гуще. Мы следили за проворными пальцами мудреца: он, тихой скороговоркой произнося какие-то невнятные слова, ловко перевязал ужасные раны, кровь из которых не струилась больше. Изредка до слуха моего доносились отрывочные фразы на латыни и кимрийском – но в основном это были сочетания свистящих и шипящих звуков, не похожие ни на одно из местных наречий.

В паузах между длинными заклинаниями туман, казалось, становился все гуще, в то время как где-то рядом, сразу за пределами узкого круга нашего зрения, звучали приглушен-

ные отголоски – словно Мерлин молился за жизнь Артура, а холодные уста тысяч британцев, лежащих на поле Камлан, откликались на его призывы.

И сквозь туман до нас доносился неумолчный плеск воды у дальнего берега. Но у дальнего ли? Звук как будто становился ближе.

Один раз Мерлин смолк и прислушался, но вскоре опять взялся за свои заклинания.

Внезапно я почувствовал, как холодная вода лизнула мои ступни. Оказалось, я, сам того не замечая, стоял в луже озерной воды. Я шагнул повыше на холм, где стояли остальные.

– Он умер? – взволнованным шепотом спросил сэр Бедвир, и Мерлин покачал головой.

– Он давно мог умереть, но я остановил его дыхание, и он будет жить.

– Остановил его дыхание? Но ведь это верная смерть!

– Ну, не совсем остановил, – улыбнулся Мерлин. – Изредка Артур будет делать вздох – возможно, раз в день – а тем временем его жизненная сила восстановится. Сейчас он обескровлен почти полностью. Мы перенесем короля в безопасное и тайное место, где я смогу прятать его, пока он не исцелится и не обретет способность вновь сражаться за Британию.

Я снова шагнул из воды. Может, я увязаю в топи? Почва под ногами казалась твердой.

– Как долго он будет спать? – спросил сэр Бедвир.

– Дольше, чем ты можешь себе представить. Твои кости обратятся в прах, и могила исчезнет с лица земли, прежде чем Артур заснет по-настоящему крепко! Сейчас я не могу объяснить тебе все – слышишь лязг оружия? То неприятель крадется в тумане. Живее, Варрон! Помоги моим людям положить Артура на коня. Надо бежать!

Повинуясь приказу мудреца, я шагнул вперед, и снова из воды – на расположенный выше участок сухой земли. Я оглянулся. Никем не замеченная вода озера украдкой подползала к нам, чтобы окружить и отрезать от внешнего мира.

Я тихо указал на это Мерлину. Глаза его слегка расширились, потом он рассмеялся.

– Ах, Бедвир! Лучше бы ты вернул Калибурн той леди, которая одолжила его королю. Моя супруга Вивиан довольно скромная особа и может затаить на нас злобу за то, что мы обманули ее. Я прекрасно помню, как однажды она держала меня околованным в лесу Броселиана. Поспешим же, пока вода не поднялась!

Огромная волна хлынула с озера, прошла по заливчику, ударилась о наши колени и неохотно откатилась назад, словно не желая отпускать нас.

– Скорей, скорей! – подгонял спутников Мерлин.

Снова раздался лязг оружия – на сей раз значительно ближе, чем прежде, и скоро до нашего слуха донесся грубый говор саксов.

Они были уже совсем рядом. Сэр Бедвир взглянул на меня, а я на него. Мы с ним были единственными вооруженными людьми в группе – поэтому, не сговариваясь, повернули назад, но не успели сделать и нескольких шагов, как вновь услышали грохот чудовищной волны, которая обрушилась на только что оставленный нами склон.

На сей раз за ревом воды послышались и другие звуки: вопли ужаса и боли, предсмертные вскрики, стоны и горькие рыдания смешались с громким чавканьем и мычанием – казалось, туман милосердно скрывал от нашего взора некое ужасное существо, пожирающее свои жертвы.

Мы остановились, потрясенные Мерлин призывал нас присоединиться к остальным.

– Скорей, не медлите! Скоро она поймет свою ошибку! Надо уходить подальше от этого проклятого места.

– Кто это? – выдохнул я.

– Любимец Вивиан, Аванд. Чудовище озера. Мы обманули и его, и ее. Она, вероятно, недовольна тем, что я помогаю Артуру, и наверняка разъярена потерей Калибурна, который, согласно условиям сделки, должен был быть ей возвращен.

– Выслушай меня, моя любезная супруга, и запомни! – прокричал мудрец в туман. – Меч Артура теперь у меня, и я буду хранить его впредь. Таким образом я отплачу тебе за годы заточения в Кольце Дымного Воздуха.

И Мерлин вновь повернулся к нам:

– Бегите отсюда! Спасайтесь же! Быстрее!

Мы побежали рядом с рысящим конем. Первые несколько минут все было спокойно; затем земля пошла волнами, словно разъяренное море. Она содрогнулась раз, второй, третий – мы все попадали, потом вскочили и бросились сквозь туман не разбирая дороги.

Тогда за нашими спинами раздался страшный грохот, словно все море разом хлынуло на окровавленный берег, – и наступила продолжительная тишина. Затем последовал мощный рев новой набегающей волны – теперь уже, к счастью, безопасной для нас, – и снова воцарилась тишина.

Где-то совсем рядом за стеной тумана раздался женский смех. Долгий, тихий, невыразимо зловещий смех. Мелодичный, приятный, но – о! – какой зловещий!

Просто смех и ничего более – но в нем таился некий намек. Казалось, та, что смеется, знает что-то, что-то очень важное для нас, о чем мы не можем и догадываться.

Мы посмотрели на Мерлина. Он молча покачал головой.

Владычица озера что-то сделала, чтобы отомстить за нанесенное ей оскорбление, отомстить за Ланселока (по слухам, приходящегося ей родственником) и причинить вред всем нам – но что именно это было, мы не знали.

Мы продолжали наш путь в тумане, уходя все дальше от моря, и сколько мы могли слышать, за спиной нашей журчал тот мелодичный приятный смех, от которого кровь стыла в жилах.

СПЯЩИЙ И ПРОВИДЕЦ

Нет нужды, мой Император, утомлять тебя сухим подробным описанием всех наших разговоров, мыслей и действий в последующие дни. Не за тем я пишу тебе. Скажу только, что несколько ночей мы тайно пробирались по вражеской территории, подбирая в дороге отставших от войска солдат. Наконец численность нашего отряда выросла до сорока человек, и мы смогли идти открыто при свете дня Путь наш лежал к родной провинции Артура, Лайонессу, ибо король часто выражал желание быть похороненным в его родном селении Авалоне. В пути мы дважды вступали в бой с бродячими отрядами саксов. Но неподалеку от Лайонесса нам повстречались обезумевшие от ужаса беженцы, спасающиеся от угрозы, более страшной, чем морские разбойники – от самого моря! Ибо, по их словам, плодородная и многолюдная провинция Лайонесс накануне рокового сражения на поле Камлан погрузилась в море!

Да, шестьдесят селений и деревень – в том числе и Авалон Артура – с церквями, домами и веем населением лежали под водой, и ничто не напоминало об их существовании, кроме нескольких вершин холмов, видневшихся над поверхностью мутного желтого моря.

– Ты думаешь, это Вивиана? – спросил я Мерлина.

Он молча кивнул, а девять его бардов ответствовали «Увы!» голосами, торжественными, как звон затонувших колоколов.

Мы поспешили сквозь густой лес и вышли к заросшей кустарником низине, куда приывающей водой вынесло трупы людей, коров и множество дохлой рыбы, убитой подводными взрывами, которые сопровождали потоп.

Мерлин вел нас к какой-то намеченной им цели, мы двигались следом: впереди шли девять бардов, за ними я, ведя под уздцы коня с телом Артура – бездыханным и пожелтевшим, но теплым и гибким, – а замыкали шествие легионеры, которые признали во мне военачальника, хотя лишь двое из них принадлежали моей центурии, остальных же я видел впервые.

Из леса мы вышли к огромной белой скале и, взобравшись на нее, устроили привал. Долго смотрели мы на затопленную землю, погубленную колдовством и злобой, и следили за тем, как поднимается вода, отрезая нас от внешнего мира. Мерлин же сидел поодаль, погруженный в раздумья о будущем.

С началом отлива мы спустились вниз, оставив провидца наедине со спящим королем. На опушке рокового леса мы разбили лагерь и ждали – три дня. Все это время над вершиной горы висело густое черное облако, не похожее ни на туман, ни на дым, которое даже под яростными порывами ветра оставалось неподвижным, – и те из нас, кто отличался острым слухом, утверждали, что слышат доносящееся из тучи бормотание на некоем незнакомом наречии. Также, согласно их заверениям, они слышали, как разнообразные невидимые существа проносятся над нами в воздухе и спешно устремляются к вершине горы, переговариваясь между собой в пути.

Что же касается меня, то я ничего такого не слышал – и по моему мнению, шумы эти свидетельствовали всего лишь о действии вулканических сил, все еще продолжавшемся в районе затопленной провинции.

Наконец Мерлин спустился к нам, и облако исчезло – как сам Артур, и слава, и честь его царствования. Где упокоился король с зажатым в руке славным мечом Калибурном, Мерлин не сказал; сказал лишь, что место это безопасное, и там никто не найдет Артура до тех пор, пока не придет время его пробуждения.

Так не волнуйся же о спасителе Британии, о, мой Император! Ибо Мерлин-мудрец уверил меня, что в один прекрасный день Артур восстанет ото сна! И будет великая война, примут в ней участие все племена, имеющие хоть каплю британской крови. Тогда проснется Артур,

возвестит о себе и поразит Калибурном врагов Британии. И окончится война, и вечный мир воцарится на всей земле!

Так сказал нам Мерлин. И поведал также, что написал все это неподвластными временем кимрийскими, огамическими и латинскими письменами на стенах обители Артура, и закрыл вход в нее искусно подогнанным к отверстию камнем, на коем начертал:

«Здесь покоится Артур. Король в прошлом и король в будущем».

Но, о, Император! – если сейчас Британия вновь занята римскими легионами то, дабы ни у кого не возникло соблазна разыскать сию тайную обитель и проникнуть в нее, предупреждаю: Мерлин поставил там стражей. Артур не может и не должен пробудиться прежде назначенного срока. Об этом заботятся стражи. Это не люди: они никогда не спят и не отдыхают, не едят и не пьют, не устают, ничего не забывают и никогда не умирают! Они должны следить за тем, чтобы печать на входе в пещеру оставалась нерушимой. Берегись! Стражи опасны и будут ждать, как повелел им Мерлин, пробуждения Артура – наступит ли оно через тысячу лет или через три тысячи. Не знаю, да и не наше это дело. Но там они, Хранители – Стражи!

На следующее утро мы вновь двинулись в путь, направляясь вдоль берега на запад, и спустя некоторое время достигли последней границы Британской земли, дальше за которой простирался лишь бескрайний океан. Здесь, на самом краю высокого скалистого обрыва покоялся огромный валун, так хитро уравновешенный, что его легко можно было покачнуть при косновением руки – но и множество быков не смогло бы сдвинуть камень с места. Впрочем, при желании его можно было приподнять при помощи разнообразных рычагов.

Из-под своих одеяний Мерлин извлек заранее приготовленную бронзовую табличку, содержащую повествование обо всем, что с нами случилось, наставления для входящего в Королевские покой и предупреждение для опрометчивых.

Снова мы оставили провидца одного; снова сгустилось над скалой черное облако, и издалека мы узрели чудо, не поддающееся объяснению. Огромный тяжелый валун поднялся в воздух на высоту человеческого роста!

Эта работа, едва ли посильная Титану, была произведена бесшумно и с очевидной легкостью. Насколько мы могли судить, Мерлин просто дотронулся до валуна – и тот взмыл вверх.

Наклонившись, Мерлин положил пластинку под камень, и тот опустился на место, дабы надежно хранить тайну до того времени, которое Мерлин по возвращении к нам описал следующим образом.

– Когда наступит миг пробуждения Артура, содрогнется земля, качающийся камень рухнет с обрыва, и Лайонесс поднимется из моря. Тогда, согласно моему видению, люди найдут спрятанное мной послание, прочитают его, постигнут и повинуются моим указаниям. Когда же затопленные ныне земли станут достаточно плодородными для того, чтобы в Авалоне вновь зацвели яблони, то порой цветения яблонь люди войдут в покой спящего, разбудят его, не страшась Стражей, – и век мира наступит на земле.

Тебе, мой Император, все это может показаться фантастическим, но ты бы ни на минуту не усомнился в словах старца, когда бы слышал их собственными ушами. Ты можешь подумать, что Мерлин был колдуном и действительно, временами мудрец прибегал к колдовству (как будет видно дальше), но страшился этого чрезвычайно. Христианские убеждения Мерлина боролись с его друидическими знаниями, и он чувствовал, что применение черной магии чревато для него адским пламенем.

Мерлин был наследником всего утерянного знания древних, и колдовство его большей частью состояло из ловких трюков, имеющих совершенно естественные объяснения – просто скрытый механизм этих чудес оставался тайной для толпы. Мир поседел от старости и забыл многое.

И вот, завершив нашу миссию, мы решили, что пришла пора позаботиться и о собственном благополучии. Мы собрали совет для обсуждения дальнейших действий – и тут мнения наши разошлись.

Некоторые предлагали уйти глубоко в горы, собрать вокруг себя других спасшихся воинов и, восстановив силы, продолжать борьбу за свободу. Этот план выдвинул сэр Бедвир, и многие согласились с ним – но я возражал. Мне казалось более разумным погрузиться на корабль и отплыть в Арморику в расчете найти там соплеменников, которые проводили бы нас к Риму.

– Впоследствии можно будет снарядить карательную экспедицию, подобную той, что приходила из Галлии, – продолжал я. – Безусловно, Британия представляет слишком большую ценность для Империи, чтобы так легко отказаться от нее...

И наконец Мерлин пресек наш спор.

– Ты, сэр Бедвир, и ты, центурион, думаете только о возвращении Британии, но поверьте мне: оно невозможно. Сама Империя умирает, центр власти смещается на восток. Британия была утрачена для целого поколения, и единственная надежда на восстановление римско-британского господства погибла, когда предательство и заговор привели нас на поле Камлан. Та же участь ожидает и Галлию: скоро и она будет навсегда потеряна для Рима.

Сейчас Британия принадлежит сильнейшим – и будет поделена между ними. Нам же остается бежать, и не в Рим, силы которого иссякают, но в другую страну, известную по рассказам древних.

Представьте теперь, что далеко за западным океаном лежит страна, не известная ютам, англам, саксам и скандинавам; земля, во времена отдаленные известная Риму, но ныне забытая всеми, кроме ученых мужей. Разве не стоит посетить ее, исследовать – возможно, покорить и основать на ней для нас, бедных изгнанников новый дом, новые владения, в которые Рим сможет послать свои флотилии с переселенцами, если натиск варваров станет слишком сильным? В существовании этой страны я уверен.

Во-первых, говорят, тиренские моряки поставляли Иудейскому царю Соломону драгоценные металлы из рудников той земли. Греческий поэт Гомер упоминает о лежащих за океаном западных землях, где, согласно утверждению Плиния, обитают западные эфиопы. Платон сообщает о затонувшем континенте, называемом Атлантидой, – но в данном случае речь идет не о нем, ибо Анаксагор также говорит о лежащей за океаном огромной части света – сухой и незаполненной.

Историк Теопомп рассказывает о неких меропийцах и населенном ими материке, находящемся за западным океаном и превосходящем размерами весь известный нам мир. А Аристотель утверждает, что карфагенские мореплаватели открыли этот континент и осели в южной его части, но их Сенат запретил кому-либо отправляться туда и перебил всех поселенцев, дабы сохранить знание об этой земле втайне – ибо карфагеняне желали, чтобы страна сия оставалась для них убежищем, если на республику падет какое-нибудь бедствие. Но они потеряли свой морской флот во время Пунических войн.

Стаций Себозий называет эту землю «Двумя Гесперидами» и говорит, что достичь ее можно за сорок два дня морского путешествия. Требуются ли вам более убедительные доказательства, чем все вышеизложенные?

– Но это нелепо! – фыркнул сэр Бедвир. – Во всей Британии не сыщется судна, оснащенного для подобного путешествия! Для нас гораздо лучше было бы пополнить свои ряды, восстановить силы и вновь ударить по саксам.

– Ты забыл о «Придвене». Дромон Артура стоит в безопасности у Иска Силлурума. Впрочем, может быть, саксы захватили и сожгли этот город. Но если мы найдем «Придвен» в целости и сохранности, поплыешь ли ты с нами?

— Только не я, — решительно ответил сэр Бедвир. — Я родился и умру в Британии. Как?! Осмелюсь ли я пуститься в плавание на корабле, отягощенном металлом до такой степени, что легчайшее дуновение ветерка может перевернуть его? Пусть меня убьет сталь — но не олово.

И сэр Бедвир поведал нам, что корнуоллские рудокопы подарили Артуру огромное количество олова для отделки корабля, и Император обшил «Придвен» оловянными листами, полагая, что такая броня защитит от зажигательных снарядов и предотвратит обрастанье корпуса морскими ракушками. Вот поэтому «Придвен» и сверкал столь ярко, что многие называли его «Стеклянным домом».

— Страхи твои необоснованы. Вещая душа моя говорит мне: я и все, кто поплынет со мной, увидят те земли — и они могут оказаться теми самыми Островами Блаженных, о которых вы слышали еще сидя на коленях матерей. А почему бы и нет? Мудрый географ Страбон верил в них. Неужели мы посчитаем его выдумщиком? Вероятно, меропийцы уже путешествовали на восток и открыли для себя Европу, ибо выдающийся историк КORNелий Непот утверждает, что Квинт Метелий Целер в бытность свою проконсулом в Галлии в шестьдесят третьем году до рождества Христова получил в дар от короля Ботавии неких загадочных чужестранцев. Они сообщили, что плыли от своих земель через океан строго на восток до тех пор, пока не высадились на побережье Бельгики.

Возможно, именно это и вдохновило Сенеку сто тридцатью годами позже пророчествовать в своей трагедии «Медея» следующее:

«Спустя века настанет эпоха, когда океан ослабит свои узы, и огромный континент станет досягаемым для нас, и откроются нам новые земли. Тогда Фула не будет больше самой отдаленной страной, известной в мире».

С этого пророчества прошло четыреста пятьдесят лет. Если мы поплынем на запад и откроем некую землю, то уже не сможем назвать себя первыми, ибо мы всего лишь отправимся по следам тех, кто шел здесь раньше, и ведь они путешествовали на менее надежных судах, чем наши.

Рыбаки из Арморики, родственный нам народ, на своих утых скорлупках ежегодно ходили в простирающиеся к северу от этих земель промысловые воды. А менее чем сто лет назад Мэлдун из Ибернии и семнадцать его товарищей были унесены в море в хрупких плетенных и обтянутых кожей челнах и, говорят, достигли огромного острова, где росли чудесные орехи с белыми как снег ядрами.

Так что, видите сами, западные земли существуют и достичь их можно. Более того, даже в наше время некий Брандон, монах из Керри — тот самый, что недавно основал монастырь в Клонферте, — был там не один раз, но дважды! А он не располагал таким большим военным кораблем, как «Придвен», и путешествовал на обыкновенном торговом судне, обшитом толстыми шкурами. Брандону и его людям потребовалось сорок дней (почти столько, сколько говорил Стаций Себозий), чтобы достичь таинственной страны.

Итак, кто из вас отправится со мной и покажет себя настоящим мужчиной?

— Я согласен! Чего нам ждать здесь? Смерти? Рабства? Вырождения? Давайте же все вместе отправимся на поиски этого земного рая, земли Тир-нан-ог, страны Хай Брэзил, Остров Счастья и Блаженства!

Так вскричал я в порыве воодушевления.

Потом, конечно, между нами разгорелся спор, высказывались доводы «за» и «против», и в конце концов отряд разделился. Многие, боясь морских чудовищ, демонов и прочих химер, предпочли остаться и, избрав сэра Бедвира своим военачальником, направились к диким горам — мне неизвестно, погибли ли они, не успев скрыться среди холмов, или ведут с тех пор тайную жизнь изгнанников.

Мы же купили в маленьком порту обтянутые шкурами рыбачьи лодки и, держась берега, проплыли через мутные воды потопа, затем вышли в более чистые и, наконец, не встретив

по пути ни одного саксонского корабля, достигли Иска Силлурума. К великой нашей радости, издалека увидели мы сверкающие борта «Придвена» и золотой блеск стража – гения Иски, стоящего на высоком столбе, – все это говорило о том, что мы вступаем в свободную и дружелюбную провинцию.

Итак, мы нашли его, маленький кусочек свободной земли, ограниченный четырьмя городами: Аква Сулисом, Кориниумом, Глевием и Гобанием; крохотный островок свободы в море варваров – и как же не хотелось нам покидать безопасный порт Иска для путешествия по ужасному морю Тьмы!

И все-таки месяцем позже мы покинули его. Сто воинов, не считая полной команды матросов и тридцати саксов, чьи сильные спины, по нашему мнению, могли оказаться полезными при полном безветрии. Это были заключенные, приговоренные к смерти, и мы взяли их, дабы восполнить нехватку гребцов. Было бы лучше, если бы их оставили умереть под топором.

Итак, мы повернулись спиной к Британии, чтобы никогда больше не увидеть ее.

МАЛЕНЬКИЙ КОРАБЛЬ И ВЕЛИКОЕ МОРЕ

Я не хотел бы утомлять тебя, Повелитель, скучным отчетом о нашем плавании, но хочу остановить твое внимание на наиболее важном.

Когда твой флот из военных и исследовательских судов будет готов к отплытию, обеспечь его большими запасами провизии – ибо море обширно.

Пусть твои моряки, отойдя за пределы видимости берега, держатся лицом к заходящему солнцу – и они найдут землю, ожидающую твоего владычества.

Если шторм собьет корабли с курса, то после приблизительно сорока дней движения на запад нужно повернуть на север или на юг и плыть вдоль побережья земли, называемой местными жителями Алата, и скоро твои моряки найдут – как нашли мы – широкий залив, в который впадает величественная река.

Пусть они отыщут эту реку, ибо в устье ее лежит укрепленный город, а в нем твоих людей ожидают проводники, которые доведут их до моей столицы.

Запаситесь водой как следует. В ней скрыта сама жизнь, ибо море столь обширно, что наш корабль носило по волнам почти два месяца, и, когда бы не обилие дождливых дней, мы бы едва ли выжили, хотя четыре раза высаживались на разных островах и наполняли водой фляги, ведра, кувшины и даже, чашки перед тем, как покинуть гостеприимные берега для дальнейшего похода на запад.

Несмотря на трудности, мы, римские британцы, не ссорились между собой, но уже на десятый день путешествия познакомились с норовом своих рабов.

Сначала мы разместили всех саксов на скамьях для гребцов по левому борту, полагая, что работа единой командой против команды свободных людей пробудит в них дух соперничества и будет способствовать лучшему взаимопониманию между нами. Пусть они были нашими врагами – мы уважали их как доблестных воинов и надеялись с выгодой для себя использовать их сильные спины. Но саксы были мрачны, озлоблены и гребли недобросовестно: погружали весла в воду с опозданием и препятствовали движению корабля вперед всеми возможными способами.

Тогда мы разделили их на две группы по пятнадцать человек и посадили через одного со свободными гребцами. Эта система – с использованием кнута – работала лучше. Хотя саксы по-прежнему оставались угрюмыми и злобными, но при хорошей и плохой погоде «Приден» равно продвигался вперед – иногда под парусами, иногда на веслах – неуклонно стремясь на запад. И в «вороньем гнезде» постоянно находился впередсмотрящий, ибо к этому времени даже Мерлин не знал точно, сколько еще придется ждать появления земли.

На десятый день перед восходом солнца отчаявшиеся, истосковавшиеся по родине саксы выступили против нас единственным оставшимся у них способом, предпочитая смерть вечному рабству.

Пронзительный вопль разбудил меня, дверь в каюту с треском распахнулась и в нее с криком «Пожар!» ворвался Марк, сын моей сестры. Я вскочил и, без оружия, в ночном платье, выскочил наружу.

На нижней палубе горел настил под скамьями для гребцов. Огонь быстро распространялся вдоль бортов, пожирая кожаную обшивку вокруг отверстий для весел, и поднимался высоко в небо, бросая на паруса алые отблески.

Огонь вспыхнул не в одном месте, а сразу в нескольких, но языки пламени стремительно побежали навстречу друг другу и мгновенно слились в огромный ревущий костер. Матросы спешно образовывали пожарную команду, и скоро в огонь вылилось первое ведро воды. Но за тушением пожара я не следил.

Передо мной предстало зрелище куда более впечатляющее: поведение потерявших надежду, отчаявшихся людей, столь отважное и решительное, что я просто не в силах описать его должным образом. На одной из скамей по середине левого борта трое рабов были объяты пламенем!

Двое из них уже задохнулись в дыму и умерли – или находились при смерти, – ибо головы их бессильно свесились на грудь и длинные волосы полыхали. Третий же, заметив мой потрясенный взгляд, дико торжествующе расхохотался в предсмертных муках и ударил себя в грудь обуглившейся и покрытой волдырями рукой.

Потом он запел! Никогда не забыть мне этой картины, запаха горелого мяса, яростного треска огня и той ужасной неистовой песни:

Скот умрет, цари умрут,
Все умрут – и мы умрем.
Но вовеки не умрет
Слава доблестных героев!

Глаза его закрылись, и я решил, что сакс потерял сознание. Но внезапно он вскинул голову и вскричал (то был радостный клич, вдохновляющий, как зов трубы):

– Смелее, друзья! Отправимся же к Одину, как подобает мужчинам! – И скатился со скамьи в огонь, бездыханный.

О боги! Как отчаянно дрались саксы, когда мы пытались потушить устроенный ими пожар. Из дна в день выливали они выдаваемое им с пищей масло на настил, пока оно не пропитало все доски, – наконец все было готово, тогда один из закованных в цепи рабов передал товарищам тлеющие угли от находящегося поблизости факела, и когда у каждого сакса в руках оказался раскаленный уголь, они подожгли настил!

Рабы отчаянно пытались помешать нам потушить огонь, надеясь, что все мы сгорим. Но в конце концов нам удалось согнать оставшихся в живых саксов на корме и взять их под стражу – причем не все они были в состоянии идти туда на своих ногах: их несли на руках товарищи, те, что не были до полусмерти избиты дубинками.

Естественно, когда пожар потушили, мы, объятые яростью, вряд ли могли проявить к мятежникам милосердие.

– За борт их! – хором кричали люди, тесно обступив рабов. Но вдруг вперед вышел Мерлин.

– Послушайте, что я вам всем скажу, – мягко вмешался он. – Саксы, погиб ли ваш вождь?

– Я Вульфгар Железное Брюхо, и я жив, – прорычал желтобородый великан, проталкиваясь вперед.

– И я, брат его, Гутлак, тоже жив, – эхом отозвался другой, должно быть близнец вождя, выступая вслед за братом. – Говори с нами обоими, старик, и мы выслушаем тебя.

– Во-первых, – начал Мерлин, – ответственность за это странствие лежит на мне. Зная ограниченность своих сил и не имея опыта морских путешествий, до сих пор я не вмешивался в дела, касающиеся жизни и работы на корабле. Но сейчас я не могу видеть, как люди – достаточно смелые, чтобы искать свободы в мучительной смерти, и достаточно отважные, чтобы спокойно наблюдать за страданиями своих соплеменников и за подползающим к ним самим смертоносным пламенем – принимают бессмысленную смерть, лишая корабль почти трех десятков столь бесстрашных душ. Саксы, отныне вы свободные люди!

По толпе прошел беспокойный ропот. В своем ли Мерлин уме?

Саксы недоверчиво переглядывались. Правильно ли они поняли старца?

– Вы свободны, – повторил Мерлин. – Но на определенных условиях. Само собой, мы не можем повернуть назад, а цель путешествия, вероятно, неизвестна вам. Мы совершаём поход

к окраине мира в поисках новых земель, известных нам по свидетельствам древних. Никто не может сказать, что ожидает нас там и вернемся ли мы когда-нибудь на родину. Зная, что позади остаются лишь руины, смерть и несчастное будущее, мы двинулись на запад – туда, где наша вера разместила Страну Блаженных. Возможно, мы найдем ее. И, весьма вероятно, не найдем.

Саксы! Я прошу вас стать в наши ряды, чтобы вместе с нами попытать счастья, вместе с нами переносить голод и жажду и преодолеть таящиеся в чужой земле опасности ради радости открытия и приключений. Короче, я готов считать всех вас своими братьями. Саксы! Ответите вы мне «да» или «нет»?

Саксы посовещались между собой приглушенными голосами. Потом Гутлак с братом ударили по рукам, и глаза их засверкали на покрытых копотью лицах.

– Какую дивную историю принесем мы домой, Вульфгар!

– Полагайся на нас, как на свободных людей, находящихся под твоим началом, Вилас.

Собрание стало расходиться, и я последовал за Мерлином в его каюту.

– Во имя божье, в своем ли ты уме? Разве ты не понимаешь, что теперь слухи об открытых на западе землях достигнут и саксов? И эти пираты тут же бросятся разорять новые колонии Рима!

Мерлин покачал головой.

– Не беспокойся о пустяках, Варрон. Никто из них никогда не увидит родины. Это уже обреченные люди.

Я в изумлении уставился на мудреца. Временами Мерлин просто пугал меня.

– Тебе что-то известно? А как же мы сами? Останемся ли в живых мы?

– Я знаю больше, чем ты думаешь, но меньше, чем мне хотелось бы. Я могу предвидеть многое, но не все, далеко не все. В будущем скрыты тайны, не доступные ни мне, ни любому другому человеку, и все известные мне сведения могут оказаться неполными или неважными – ибо будущее непостоянно и подвержено изменениям. Но не беспокойся о том, что саксонские пираты разорят римские поселения на земле Брандона: этого никогда не будет.

Тогда я поверил ему, и теперь знаю, что слова его были истинны.

Итак, мы упорно шли вперед сквозь шторма столь сильные, что кипящие волны с легкостью перекатывались через фальшборт. Мы познали тягость безостановочного движения сквозь мир, сплошь состоящий из воды, на неустойчивом, неповоротливом корабле, едва слушающемуся рулевого. Мы изведали отчаянье из-за сломанных весел и разорванных парусов и горечь при виде матросов, скорее мертвых, нежели живых – измученных бессонницей и борьбой с бушующей стихией; матросов, которые, несмотря на слабость, откачивали воду без перешвыки, дабы очередная водяная гора, обрушившись на палубу, не завершила дела и не отослала всех нас к Нептуну.

Но Мерлин не давал нам упасть духом и разувериться в своем предводителе. И даже когда казалось, что нам суждено путешествовать до седых волос, мы продолжали наш трудный путь через великую Реку Океан.

Наконец ветра перестали дуть, даже легкой зыби не появлялось больше на глади воды – настало время «спустить весла и грести», чем мы и занимались целую изнурительную неделю. Но никто из нас не впал в отчаяние, ибо Мерлин сказал, что Брандон достиг этого места и миновал его целым и невредимым, хотя плавучие водоросли и затрудняли движение корабля. Следовательно, мы находились на верном пути. Сердца наши вновь исполнились надеждой, но внезапно на море спустился густой туман, и три дня мы не видели ни солнца, ни звезд – и наш капитан едва не лишился рассудка от беспокойства и страха.

Тогда Мерлин порылся в своих вещах и достал полую железную рыбку, которую с величайшей осторожностью – словно вещь необычайной ценности – опустил в ведро с водой.

Рыбка моментально повернулась вокруг своей оси и указала носом на юг, а хвостом на север, будто была живой и разумной. Наш капитан долго не решался смотреть на нее: он

мало доверял Мерлину и, полагаю, сомневался в существовании каких-либо земель, кроме уже известных ему.

— Запомни, достойный путешественник, — сказал Мерлин, — боковые плавники рыбки указывают на запад и на восток — и ориентируйся по ним. Следи за тем, чтобы эта рыбка не потерялась, ибо я ценю ее гораздо выше, чем ты думаешь: вещь эту подарил мне один желто-кожий странник, который с ее помощью пересек широкие степи Скифии и прибыл на остров Самофракию, где мы с ним и встретились.

И не страшись грядущих дней. Брандон писал, что за морем Безветрия, лежит прекрасный остров, населенный мудрыми людьми, — среди них мы сможем найти пристанище.

Мы продолжали грести. Солнце и звезды снова показались на небе. Наши запасы пищи иссякли. Мы наполняли желудки водой до отказа и вновь налегали на весла, находя в словах Мерлина слабое утешение, пока наконец в один прекрасный день не задул ветер и не подхватил наш корабль — и тогда все мы упали на колени и вознесли благодарность разнообразным богам — христианским и языческим, — ибо мало у кого из нас к этому времени остались еще силы ворочать веслами.

Повторяю, Повелитель, возьмите большие запасы продовольствия — иначе твои люди окажутся в том же состоянии, в каком к этому времени оказались мы, всерьез споря, должен ли кто-нибудь из нас, бедных голодающих, умереть, дабы стать пищей для остальных. Мерлин уберег нас от греха. В этой бескрайней водной пустыне он нашел для нас пропитание!

Здесь я должен заметить, что за все долгое странствие мы не встречали никаких морских чудовищ, о которых так много говорится в легендах, хотя и наблюдали разные странные явления, наполнявшие нас ужасом.

Однажды ночью побелевший от страха впередсмотрящий с пронзительными воплями скатился с мачты и начал кричать, что море горит и всем нам пришел конец. Мы поспешили убедиться в его словах собственными глазами и с ужасом обнаружили, что все море вокруг действительно светится и мерцает. Но то не был огонь, мой Император! — и сверкание это не причинило нам вреда, хотя объяснить сию тайну я не в силах.

Во время путешествия следует ожидать встреч со странными явлениями. Не все странное опасно и кто, кроме трусов, откажется от великого приключения только из боязни загадочного и необъяснимого?

Свечение воды мы сочли за некое предзнаменование, но оно не было таковым, а если и было, то только добрым, ибо ничего дурного с нами не случилось. Не страшись, Повелитель, этой обычной для здешних вод странности и при встрече с ней со спокойным сердцем продолжай путь далее. Мы миновали светящееся море без приключений.

Мы видели дельфинов и более крупных рыб тоже — но ни одна из них и отдаленно не напоминала размерами невероятную рыбу Джаскони, описанную Брандоном, как величайшая в мире. Согласно рассказу монаха, он и его люди отмечали на спине этого чудовища праздник Воскресения, и все полагали, что находятся на острове до тех пор, пока не развели костер, — и остров вдруг погрузился в воду, оставив путешественников барахтаться в открытом море!

Я считаю это за детские сказки. Не верь им. Таких огромных рыб мы не встречали, хотя некоторое время нас сопровождали очень большие существа, которые резвились вокруг корабля, выпуская из ноздрей высокие фонтаны воды и пену при дыхании. Они не причинили нам вреда и проявляли по отношению к «Придвену» лишь любопытство, хотя существа таких размеров и веса в ярости могут оказаться крайне опасными. На этот случай предостерегаю тебя!

Позже мы познакомились с рыбами другой разновидности, расположенными к человеку чрезвычайно дурно. Вот как это произошло.

Киньял'х, один из храбрейших наших людей (хоть и чистый кимриец без примеси римской крови), был сильно ранен во время схватки с мятежниками. Пока у нас оставалась пища,

он еще жил, медленно теряя силы. День ото дня ему становилось все хуже, и наконец, когда рацион стал совсем скучен, он умер.

Мы погребли его единственным возможным для нас образом. Кимрийские товарищи оплачивали покойного, полосуя себя ножами. Мерлин подготовил тело к погребению и начертал на саване не только христианский крест, но и изображение золотого серпа, рядом с которым приколол веточку смелы – это символы древней друидической веры, до сих пор не истребленной полностью среди темных твердынь Камбrijийских холмов.

Мы сбросили приготовленное к загробной жизни тело за борт и стали свидетелями ужасного зрелища. Едва труп коснулся воды, как разъяренная рыба выпрыгнула из моря, вся в хлопьях пены, набросилась на него и разорвала на кусочки с помощью мгновенно подоспевших сородичей.

Нескольких людоедок мы поразили дротиками, но скоро бросили это занятие, так как убитые рыбы молниеносно пожирались товарками, и на запах крови собирались новые хищницы и следовали за кораблем. Они плыли за нами несколько дней, пока мы (как я писал) не обессилели от голода окончательно. Тогда-то к нам на помощь пришел Мерлин.

Еще прежде мы пытались убить одну из хищниц на жаркое, но раненую тут же разрывали на части ее сородичи. Теперь же Мерлин предложил нам снова попробовать поразить рыбу, уверяя, что на сей раз нас ждет удача.

Он скрутил обыкновенную веревку в кольцо, покрыл ее зеленоватой мазью из маленького горшочка, дал троим из нас толстые рукавицы и запретил касаться веревкой голого тела. Затем, дав нам все необходимые указания, старец свесил ногу за борт и притворился, что падает.

Как только одна из хищниц всплыла на поверхность, мы бросили в море веревку и рыба оказалась внутри петли. При этом вода зашипела и задымилась, словно в нее опустили раскаленное железо. Рыба яростно забилась, но не смогла вырваться за пределы круга, как если бы вокруг нее были возведены каменные стены. Затем она словно закоченела, перевернулась брюхом кверху и лежала, покачиваясь в ограниченном веревкой пространстве, в то время как ее сородичи беспокойно суетились снаружи.

Прежде чем они успели проникнуть за черту круга (ибо веревка начала тонуть), мы вонзили в тело рыбы крюки и вытащили ее на палубу. Очень скоро мы уже ели вкусное жаркое. Так мы вышли из Моря Безветрия и поплыли дальше, экономно питаясь рыбой (ведь Мерлин предупредил нас, что удача эта вызвана не волшеством и повторить ее не представляется возможным).

Жесткую и прочную кожу рыбы-людоеда Гутлак попросил себе и, пока она еще не высохла, вырезал из наиболее толстой ее части нагрудник. Он обил его металлическими шишечками с изношенного старого панциря, который мы отдали ему. С него же сакс снял ремни и пряжки.

Оставшейся кожей он обтянул деревянный щит, из мелких кусков смастерил ножны для меча и кинжала и, наконец, обмотал ручку своего топора узкими полосками кожи. Так что, когда кожа высохла и затвердела на солнце, Гутлак стал обладателем снаряжения, столь же добротного, как и у любого другого воина на борту корабля.

Конечно, многие из нас завидовали ему, поскольку толстая, усеянная заклепками кожа по прочности практически не уступала металлу. Но тогда мы не могли предвидеть ужасные последствия этих трудов сакса!

ОСТРОВ БРАНДОНА

Неделей позже сильный ветер – сопровождаемый громом, молнией и проливным дождем – подхватил наш корабль и нес его по волнам весь день и почти всю ночь. Но перед рассветом ветер стих. Корабль, унесенный на много миль от того места, где шторм застал его, лежал, покачиваясь на волнах, и мы с каким-то напряженным вниманием всматривались в полумрак раннего утра, слегка рассеиваемый вспышками дальних молний.

Каждый из нас испытывал странное чувство: ощущение, что скоро что-то должно произойти, неизвестно радостное или ужасное – но нечто, пославшее предупреждение о своем приближении.

Затем ветер переменился, подул нам навстречу и донес отчетливый аромат свежей зелени, омытых дождем деревьев. И сразу все стало ясно, и кто-то шепнул товарищу: «Земля! Земля!» А тот отозвался: «Какая еще земля, приятель?» И вслед за ним спросил и третий: «Какая именно?» Ибо Брандон писал о множестве островов, частью населенных доброжелательными племенами, частью – внушающими страх колдунами, и частью – достойными жрецами, славящими в одиночестве Бога и прикрывающими свою наготу лишь покровами длинных седых волос.

Но вот, пока мы перешептывались, вдруг раздался страшный грохот, словно сами Небеса разверзлись, и с высоты хлынули потоки огня. В этом ослепительном сиянии впередсмотрящий на мачте воздел руки и дико торжествующе выкрикнул: «Остров Брандона!» Потом вокруг вновь воцарилась тьма, и на некоторое время мы словно полностью ослепли.

В это мгновение мы поняли, что повесть Скотта о его приключениях правдива, по крайней мере, отчасти – ибо все островки, населенные добрыми или злыми колдунами, были маленькими и плоскими. Земля же, открывшаяся нашему взору, была, безусловно, обширна и гориста – и за время короткой вспышки мы не успели определить, остров ли это вообще или нет.

Хочу заметить: на мой взгляд, истории о колдунах являются чистым вымыслом, которым Брандон расцвел описание путешествия, в противном случае слишком скучное, чтобы заинтересовать влюбленных в легенды соплеменников.

Поэтому не верь, Повелитель, бытующим в Иберии и Британии слухам о колдовстве в западных морях. Исчезающие острова, возможно, здесь еще есть, хотя мы таковых не видели. Народ тут простой и миролюбивый, а плоды вкусны и питательны, как сам жизненный сок, для нас в прошлом просоленных голодных моряков, какими мы были в ту ночь.

Итак, не зная, что за земля лежит перед нами, мы измерили глубину моря, бросили якорь и стали ожидать рассвета. После первого шумного взрыва радости мы притихли, ибо хотели увидеть и узнать побольше, прежде чем наше присутствие у берегов незнакомой земли будет обнаружено ее обитателями.

Корабль медленно покачивался на волнах, мы прислушивались к тихому рокоту прибоя, небо над нами постепенно розовело и донесшийся к нам с легким ветерком запах дыма ясней любых слов подтвердил, что земля обитаема.

Мы приготовили дротики и стрелы, проверили надежность луков, привели в готовность стрелометы, опустили короткие рычаги двух тормент и зарядили каждую ребристым булыжником из балласта. Все это было проделано по возможности тихо и, как нам казалось, почти бесшумно. Внезапно сумрак рассеялся, и мы увидели берег – а на берегу стоял человек и пристально смотрел в нашу сторону. Очевидно, его внимание привлекли странные звуки вроде скрипа ремней, треска храповика и лязга собачки, сопровождавшие подготовку механизмов к действию.

Человек несомненно увидел нас, ибо в этот момент над горизонтом вспыхнул алый край солнца и залил сиянием море и берег. Несколько мгновений мы, затаив дыхание, напряженно смотрели друг на друга через разделяющие нас волны прибоя, затем я приветственным жестом высоко вскинул разжатую правую руку, показывая этим, что мы пришли с мирными намерениями.

Тогда человек встрепенулся и с громкими криками бросился в глубину острова сквозь густые заросли деревьев и кустов. Скоро он вернулся в сопровождении людей с копьями и дубинками, усеянными острыми шипами устрашающего вида. Впереди шел седовласый старик в белом одеянии, украшенном у горла и по подолу красивым разноцветным узором, неразличимым издалека. В руке он держал зеленую цветущую ветвь и ничего больше – поэтому сразу стало ясно: нам предлагается выбирать между войной и миром.

Вооруженные люди остановились неподалеку от зарослей, а старик подошел к самой воде и обратился к нам громким благозвучным голосом, казалось, до самой глубины проникнутым покоем и счастьем мирного безмятежного существования.

Мерлин взобрался на фальшборт и, указывая на солнце, море, небо и землю, попытался заговорить на нескольких наречиях поочередно. Со своей стороны старик отвечал ему тоже, вероятно, на разных диалектах. Но найти общего знакомого языка они не смогли и наконец оставили свои попытки и стояли в добродушном замешательстве, улыбаясь друг другу через разделяющие их волны. Потом Мерлин сказал:

– Спустите лодку. Я поплыу к берегу.

Мы выполнили его приказание против нашей воли, ибо опасались вероломства, но Мерлин уже принял решение и оставался непреклонным. Итак, он высадился на берег, и мы видели, как провидец и старый островитянин пытаются объясняться жестами.

Наконец старик указал в глубину острова, приглашая гостя проследовать туда. Мерлин кивнул, и мгновенно эти двое повернулись и исчезли с наших глаз. Вооруженные люди последовали за ними, но несколько воинов осталось на берегу. Это были рослые здоровые парни, которым явно ничего не стоило добротить свои копья до нас. Поэтому мы незаметно направили на них стреломет, заряженный целой связкой стрел, и развернули в сторону берега бортовую катапульту. Теперь мы были уверены, что, несмотря на покачивание судна, сможем поразить цель булыжником. Затем мы крепко сжали наши луки, пряча их за фальшбортом, – и принялись ждать.

Солнце поднималось выше и выше, и наконец, почти в полдень, Мерлин и старик вернулись в сопровождении любопытных копьеносцев.

– Опустите оружие, друзья мои! – прокричал провидец. – Высаживайтесь на берег острова Брандона – ибо это действительно та земля, которую мы искали. Оставьте на корабле охрану из пятидесяти человек, а остальные пусть плывут ко мне!

Пока Мерлин говорил, старый островитянин обратился к своим соплеменникам со страстной речью приблизительно такого же содержания – так как все воины по очереди шагнули вперед и побросали свое оружие в кучу на песок, после чего отступили футов на двадцать назад и показали нам высоко поднятые пустые ладони.

Все это время с самого рассвета до нашего слуха доносился приглушенный рокот маленьких барабанов – негромко звучащих где-то поблизости. Теперь этот угрожающий звук прекратился, и наступившая тишина показалась для наших уже привыкших к шуму ушей оглушительней грома.

В этой гробовой тишине я тихим голосом отдал команду, и вторая наша лодка была спущена на воду и отправлена к берегу. Там некоторые наши люди присоединились к Мерлину, а остальные вернулись к кораблю уже на двух лодках – и те курсировали между «Придвеном» и берегом до тех пор, пока не перевезли на остров всех, за исключением охраны, людей при торментах и механиков стреломета.

— Эти незнакомцы, — предостерег я, — могут замышлять предательство. Посему смотрите в оба и будьте готовы в случае нужды прикрыть наш отход.

Итак, наши воины построились на берегу, затем по моему сигналу сделали три шага вперед и бросали на песок луки, короткие мечи и даже кинжалы для разрезания мяса. И два разоруженных отряда — каждый со своим предводителем во главе — стали лицом к лицу, разделенные двумя кучами оружия.

Затем Мерлин и старик приблизились друг к другу и поцеловались — и в этот момент где-то совсем рядом яростно грянули барабаны. Мы переглянулись, готовые схватиться за оружие, если это означает нападение, — но тут кусты за стоящими напротив нас воинами закачались, раздвинулись и из-за них вышла толпа женщин в убранствах из травы и цветов и множество голых детишек. Все они очаровательно улыбались и с веселым смехом переговаривались между собой, предлагая нам цветы и фрукты.

Весьма благодатными оказались чужеземные фрукты для наших просоленных глоток и удивительно приятными, хоть и несколько странными на вкус и на вид. Так островитяне сердечно приняли нас, и месяц мы жили среди них: то была счастливая передышка в нашей суровой жизни.

Мы отдыхали: некоторые из нас овладевали незнакомым наречием, учась под руководством прекрасной наставницы спрятать любовные глаголы; другие охотились среди удаленных от моря холмов или ловили рыбу в заливе. И все мы по несколько часов в день по очереди работали на «Придвене», который отвели в мелководную бухту, дабы соскоблить с днища морские водоросли и ракушки.

Мы установили на корабле новый артемон, заменили несколько покоробившихся досок настила и два обугленных шпангоута посередине корпуса — и скоро «Придвен» был готов к дальнейшему пути, хотя мы и не рассчитывали отплыть так скоро, как это случилось в действительности.

Однажды вечером вернувшиеся с охоты воины поведали нам странную историю о некоем старце. Они встретили его на дальнем берегу острова и опознали в нем белого (местное население имело, скорей, золотистый цвет кожи) — ибо он обратился к ним на языке скотов.

Один из камбрийцев немного знал это наречие, так как когда-то был пленником и рабом за Иберийским морем. Он ответил старцу и узнал от него, что мы действительно находимся на острове Брандона. Старец же этот служил в команде Брандона во время первого его путешествия и, чрезвычайно полюбив сию страну, женился на островитянке и остался здесь, когда его товарищи двинулись обратно на родину.

Пока мы в поисках старого скотта огибали остров на лодках, я, как следует, обдумал услышанную историю и ни в чем не смог упрекнуть соотечественника — ибо здешние островитянки, хоть и совершенные дикарки, весьма привлекательны, отличаются величественной осанкой и держатся с достоинством. Человек может совершить и куда более дурной поступок, нежели остаться в этом Элизиуме. Но это было не для нас. Ни о чем не подозревая, мы плыли навстречу нашей судьбе — и война, радость, печаль и множество других сюрпризов Фортуны ожидали нас в лице старого скотта.

Старец оказался чрезвычайно древним и медленно угасающим под грузом лет. Тем не менее, от радости при виде нас взор его стал ясен и язык подвижен — ибо в этом возрасте он уже оставил всякую надежду увидеть человека из родных земель и даже не мечтал об этом.

В прохладном полумраке соломенной хижины Мерлин поговорил с ним наедине, так как при виде белых людей старик от восторга впал в такое исступление, что сначала вообще не мог произнести ни слова и просто сидел и смотрел на нас, в то время как слезы медленно ползли по его отросшей до пояса бороде. Но с Мерлином он разговаривать смог — и достаточно вразумительно, хотя выговаривал слова с трудом и долго рылся в мыслях, прежде чем сказать что-нибудь.

Ну и историю же он нам поведал!

Похоже (и эта часть повествования касается непосредственно нас и тебя, мой Император!), Брандон не знал, что дальше к западу от открытых им островов лежат еще другие земли. Об этом долго не догадывался и Фергюс Скотт. Однажды группа молодых людей пригласила его совершить с ними разбойничий налет на близлежащий остров, и все их выдолбленные из бревен лодки были унесены далеко на запад одним из обычных в этих морях стремительных ураганов, которые местные жители называют Хуракан – по имени бога, согласно их верованиям, вызывающего эти волнения.

Наконец они пристали к какой-то земле и исследовали ее, проплыв вдоль берега на север и на юг, но проникнуть в глубину территории не решились, ибо им показалось, что земля эта больше простого острова, и неизвестно было, какие люди или чудовища ее населяют. Перед возвращением молодые люди смогли убедиться, что на побережье хозяйствует некое воинственное племя: однажды ночью, когда они спали под лодками, на них внезапно напали и многих убили в бою. Так что в результате из отправившегося в поход отряда в двадцать человек живыми вернулись лишь трое – без добычи и пленниц, правда, с пленником из числа напавших. Я видел чучело этого существа и затрудняюсь сказать, принадлежит ли оно к человеческому роду. Кожа у него чешуйчатая и скользкая от слизи; будучи живым, существо это большую часть времени проводило в море. Глаза у него скорей круглые, нежели овальные, и лишены ресниц, а ноздри плоские и незначительных размеров, словно предназначенные для длительного пребывания под водой. Под широким беззубым ртом, полным острых клыков, по обеим сторонам чешуйчатой шеи видны шрамы, очень похожие на жабры рыб. Но они не открываются и не закрываются – так что, если существа эти когда-то и жили в воде постоянно, то, видимо, очень давно.

Ноги у существа кривые, а в самом конце костистого позвоночника выступает костяной нарост, длина которого в зависимости от возраста особи варьируется от шести до десяти дюймов. По-видимому, перед тем как сесть, данный индивидуум выкалывал в земле ямку для размещения своего неподвижного хвоста – а может быть, он не мог сидеть иначе, как на бревне или на камне.

Между пальцами рук и ног у него виднелись перепонки, каждый палец заканчивался кривым острым когтем – поэтому в схватке существа эти весьма опасны, хоть и не знают никакого другого оружия, кроме камней. Фергюсу с товарищами крупно повезло: они сразились с этими чудовищами и остались живы.

После того похода Фергюс больше не пускался в странствия: сидел дома и растил здоровых сыновей и дочерей на утеху своей старости.

Поведав эту историю Мерлину, старик рассказал все, что помнил, о пути к той земле и показал нам чучело странного существа. Потом он поговорил о том о сем, задал множество вопросов о своей родине, на которые Мерлин, обладающий цепкой памятью и много странствовавший на своем веку, смог подробно ответить – и наконец отпустил нас, теша себя приятной мыслью о продолжении беседы на следующий день.

Затем жившие в той части острова люди (они называли эту местность Кабанакан) устроили в нашу честь праздничный пир, и мы мирно заснули среди своих друзей. Но, отправившись наутро навестить старого скотта, Мерлин нашел его мертвым, лежащим в постели, со счастливой улыбкой на устах.

Так умер добровольный изгнаник. Умереть бы и мне так счастливо – но это, мой Император, зависит от тебя!

Двух старших сыновей Фергюса мы взяли с собой, ибо они были полны решимости стать в наши ряды, и, конечно же, для такой семьи отсутствие двоих ничего не значило. И потом, мы каким-то образом чувствовали, что они могут оказаться нам полезными, принести удачу в поисках далекой таинственной земли Двух Гесперид.

Снова вернулись мы к месту нашей первой высадки, прожили там еще неделю и – хоть нас и уговаривали остаться жить среди дружелюбного и благорасположенного народа – не без сожаления и легкой печали мы отплыли. И на сей раз нас сопровождали тридцать лодок с нашими друзьями.

Они долго плыли впереди и позади нас, описывали вокруг «Придвена» круги, пока не подул свежий ветер и не наполнил наши паруса. Тогда раздалась команда «Сушить весла и отдыхать», и мы наблюдали, как по одной отставали лодки с уставшими гребцами, и остров постепенно исчезал из виду.

Наконец он исчез окончательно, и самая высокая гора его едва виднелась на горизонте, похожая на далекое серое облако. Повернула к берегу последняя лодка, увозя с собой наше обещание скоро вернуться, и мы с трудом различали сверкание мокрых весел, высоко поднятых в знак последнего прощания. Наконец и они исчезли вдали.

«Таинно» называет себя это племя. «Добрые люди». И народа, который проявлял бы большую сердечность и доброту к чужеземцам, я не встречал.

Мы плыли в полном одиночестве – даже птицы не встречались на нашем пути; плыли снова на запад, чтобы никогда больше не вернуться на счастливый безмятежный остров Брандона.

ПОТЕРПЕВШИЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Дождливые и солнечные дни сменяли друг друга, и мы плыли, плывли в томительном круговороте дней, оставляя позади множество плоских островков – пустынных, необитаемых и навевающих своим видом тоску.

Вскоре после отплытия с острова Брандона Мерлин нашел странное морское сокровище, о котором хочу упомянуть здесь – впоследствии оно принесло нам столько же добра, сколько горя принес рыбий панцирь Гутлака.

В один прекрасный день мы увидели плывущее по воде дерево, в ветвях его сидела крупная сухопутная птица зеленоватого цвета и жалобно кричала, так как дерево постоянно переворачивалось на волнах. Насквозь промокшее неприкаянное существо то поднималось в воздух, то погружалось под воду.

Мерлин, воодушевленный мыслью о том, что мы движемся в верном направлении, не позволил нам проплыть мимо. Да мы и сами не собирались этого делать, так как сердца наши разрывались от жалости к одинокому беспомощному созданию, и нам тем более хотелось спасти его, потому что зеленый цвет считается у Друидов священным.

Поэтому Мерлин – порой Друид, порой христианин – счел сию находку хорошим предзнаменованием.

Мы подплыли к дереву с намерением подобрать птицу. Когда корабль приблизился, птица расправила крылья и попыталась подлететь к нам, но, отяжелевшая от воды, упала в море и начала тонуть.

Один из бардов подцепил птицу крючком и отдал Мерлину, но даже в руках провидца она задыхалась, дрожала – и наконец закатила глаза и перестала шевелиться.

Мерлин опечалился, но колдовством тут нельзя было помочь. Мудрец мог раздуть тлеющие угольки жизни в яркий костер, но был бессилен, когда угасала последняя искра. Воскрешать из мертвых он умел не лучше любого другого человека.

Вероятно, предвидя важность сего поступка или из чистой сентиментальности, Мерлин приказал высушить кожу птицы и во время долгих дней странствия смастерили из нее величественный головной убор.

В своих парадных одеяниях, расшитых загадочными мистическими символами, и в этой короне (птичья голова гордо поднята, клюв полураскрыт, словно вот-вот истонгнет призывающий клич) Мерлин выглядел тем, кем и являлся на самом деле: истинным Князем Магии.

Все дальше углублялись мы в лабиринты островков, но материка так и не обнаружили, пока не вышли снова в открытое море. Внезапно цвет воды изменился, стал грязноватого оттенка, и вскоре впереди показался низкий берег и устье широкой мутной реки, несущей в море много грязи и ила.

При виде реки мы поняли, что перед нами простирается обширная земля. Но, уже знакомые с обликом одного из ее обитателей, мы не спешили с исследованиями и некоторое время плыли вдоль побережья, наслаждаясь прекрасной погодой. Мы не покидали корабля, хотя не замечали на берегу никаких признаков жизни – ни человека, ни зверя. Лишь стаи птиц сопровождали корабль, привлеченные объедками, которые наш повар выбрасывал за борт.

Мы плыли очень долго и уже начали подозревать, что в движении вдоль берега повернули на юг, обратно к острову Брандона. Тут у нас кончилась вода, и мы стали на якорь, чтобы наполнить бочки.

Повсюду здесь простирались отвратительные болота и бесплодные земли. Вода была солоновата и непригодна для питья. Поэтому мы поплыли дальше, но по-прежнему не видели ничего, кроме соленых топей: ни дыма костров, ни единого следа какого-нибудь мирного племени.

Наконец мы подошли к землям, которые показались нам привлекательней прежних: группы зеленых деревьев свидетельствовали об источниках пресной воды, и в глубину берега вдавалась маленькая бухточка, удобная для якорной стоянки. Итак, мы спустили на воду лодку и отпустили к берегу Гутлака, выражавшего страстное желание отправиться за водой, и с ним десять саксов с бочками и ведрами и нескольких наших людей.

Все они были вооружены, и мы, до сих пор не замечавшие никаких признаков жизни в этих местах, не беспокоились за них. Некоторое время мы наблюдали за тем, как несколько воинов разбредается среди камней в поисках моллюсков, а остальные исчезают за деревьями – и затем вернулись к своим занятиям.

От этих занятий нас оторвали раздавшиеся с берега крики. Искатели моллюсков бежали назад, а за ними по пятам гналась стая разъяренных чешуйчатых лягушкообразных существ: они скакали на коротких кривых конечностях, иногда на двух, иногда на всех четырех, не уступая в скорости лошади, и с громким кваканьем швыряли в убегающих камни.

И тут прямо на наших глазах они настигли наших товарищев, повалили их на землю, разорвали на куски и сожрали!

На шум из-за деревьев выбежали остальные люди и в ужасе замерли при виде кровавого пиршества. Я увидел, как Гутлак спешно расставляет воинов-римлян наравне с саксами – в саксонский боевой строй, а затем толпа квакающих оскаленных существ скрыла воинов от наших глаз. Как мы могли стрелять? Наши воины тесно перемешались с врагами.

Один раз в толпе появился просвет, и я снова увидел Гутлака. Истекающий кровью сакс разрубил страшным зазубренным кинжалом голову противника от макушки до самых зубов и, лишившись при этом своего оружия, выхватил топор и принялся наносить им удары направо и налево. Затем толпа вновь сомкнулась и скрыла от нас сакса. Но мы успели заметить, как ужасные острые когти скользнули по панцирю из рыбьей кожи, не причинив Гутлаку никакого вреда, хотя кожаные одежды они раздирали с необычайной легкостью.

Все кончилось очень быстро. Новые полчища существ повалили с болот на помощь сородичам, и остроглазому Марку показалось, что в давке лягушкообразные увлекают куда-то пленного воина – похоже, Гутлака. Но утверждать наверняка Марк не мог, поскольку в этот момент наш трубач заиграл сигнал «Орудия к бою!».

Схватив луки, наши лучники выпустили в гущу толпы тучу стрел, но злобные существа, хоть и не знакомые с подобным новшеством, не обратили на него внимания и продолжали наступать. Конечно, с такого расстояния наши стрелы не могли причинить им большого вреда. Камни же, летящие с берега, достигали палубы: по точности и силе броска руки противников не уступали праше.

Затем с грохотом выстрелил стреломет, посыпая в первые ряды противника целый колчан стрел, каждая из которых пронзила по несколько существ разом. Две-три дюжины убитых повалились на землю, а остальные с оглушительным урчаньем и кваканьем прыгнули в воду и поплыли к кораблю.

Мы не стали терять время на подъем якоря – просто перерезали якорный канат и, вспенивая веслами воду, на полной скорости вылетели из бухты. А лягушкообразные преследовали нас, подобно стае дельфинов до тех пор, пока мы не метнули из катапульты булыжник в самую их гущу. Тогда все они ушли на глубину и долго преследовали нас под водой. Наконец, поняв бессмысленность погони, кровожадные существа повернули назад.

Возможно, так бросаться наутек не к лицу римлянину – но в данном случае бегство представлялось наиболее разумным поступком (хотя, возможно, тебе, Повелитель, издалека так и не кажется), ибо останься мы, наш поход на этом и закончился бы.

Мы поплыли дальше вдоль берега, скорбя всем сердцем о погибших боевых товарищах. Потерявший брата Вульфгар обезумел от ярости и отчаянно порывался прыгнуть за борт и поплыть назад, чтобы убивать и принять смерть. Наконец саксы с великим трудом схватили

его, исходящего пеной, отвели вниз, сунули ему в руки весло и велели грести. И Вульфгар начал грести, и услышав скрип прочного дерева – забыл за работой свое горе.

Мы долго томились от жажды, пока не нашли на одном голом крохотном островке несколько обмелевших луж дождевой воды. «Придвен» двигался на юг вдоль недружелюбного побережья, потом обогнул мыс и вновь устремился на север. Скоро разразился дождь – напоил нас и наполнил водой оставшиеся на корабле бочки. Мы продолжали идти вдоль берега – теперь взору нашему открывались прекрасные песчаные отмели и заросли зеленых густолиственных деревьев. Мы были уверены, что земля эта более гостеприимна, но высаживаться на нее не решались.

Долго плыли мы, сменяя друг друга на веслах. Саксы в свою смену гребли у левого борта, соревнуясь с командой лучников, сидящих напротив. В следующую смену команда матросов выступала против команды инженеров. Во время же третьей смены римские британцы состязались с чистокровными кимрийцами.

Так тяжелый труд мы превратили в соревнование: бились об заклад, кто раньше устанет и следили за тем, чтобы все команды работали поровну.

Наконец однообразное течение дней было нарушено: небо стало темно-бронзового цвета, и вдалеке послышался ужасный зловещий гул. По этим признакам (пусть и твои матросы, Император, знают их и помнят) мы поняли, что яростный бог ветров Хуракан гуляет по морю и гневается.

Мы убрали паруса, которые не сворачивали прежде в надежде на ветер, и выгребли в открытое море, в сгущающуюся тьму – дабы корабль не выбросило на берег во время шторма. Здесь капитан приказал спустить плавучий якорь, и когда задул ветер, мы шли с голыми мачтами и держали корабль по курсу с помощью весел.

Море ревело, неистовствовало и швыряло «Придвен» из стороны в сторону, словно ничтожную щепку. Двум нашим островитянам стало дурно (вероятно, впервые в жизни), и их, полумертвых, бросало по каюте от стены к стене, пока мы не привязали бедняг к койкам ради их же собственной безопасности. Настала ночь, но яростный ветер не стихал. В его неистовых порывах я с трудом добрался до каюты Мерлина и перевел дыхание, что невозможно было сделать снаружи.

– Почти так же мы нашли остров Брандона, – улыбнулся Мерлин. – Сначала шторм, ночь, затем затишье – и наутро счастливая, безмятежная дружелюбная земля. Будет ли также на сей раз?

– Молю богов об этом! Однако этот ветер стихать явно не желает. Давай же умолять богов о милосердии, дабы в стонущей ветреной ночи они не поднесли корабль слишком близко к берегу...

Не успел я договорить, как раздался страшный удар.

Нас швырнуло на стену каюты. Я услышал, как треснул артемон, затем сломалась мачта, и обе ее половины с грохотом рухнули на скамьи гребцов. Послышались вопли умирающих людей, которые так долго шли за нами с Мерлином через многие опасности, голод, сражения и жажду, чтобы погибнуть в темноте на незнакомом берегу у самого края земли.

Дверь каюты заклинило, и я начал рубить ее своим коротким мечом. Дромон сотрясался под ударами огромных волн, которые бились о борт и перекатывались через палубу, раскачивая «Придвен», как колыбель. Я услышал, как трещат и ломаются доски корпуса, и воды океана свободно льются в отсек для груза и балласта и затапливают яму для гребцов. Затем до моего слуха донесся оглушительный голос, взывающий к мертвым внизу.

– Витта! Бледа! Кисса! Освульф!

Ответа не последовало.

– Тольфиг! Беотрик! Ойск! Бальдэй! – Я узнал голос Вульфгара.

— Говорил же я, что ни один сакс не потревожит римских поселений! — прокричал Мерлин мне в ухо.

Пол каюты уже заливало водой. Однако к тому времени, когда она достигла наших колен, я уже расчистил путь, и мы с Мерлином бросились прочь.

Было темно, как в недрах Тартара. Ревели волны — почти не видимые до тех пор, пока они не обрушились на нас.

Я услышал захлебывающийся крик «Здоровье Одина!» и, уносимый вместе с Мерлином мощным валом в водяную тьму, успел подумать, что последний из саксов канул в морскую пучину. Нас с Мерлином тут же разнесло в разные стороны, яростная волна подхватила меня и попыталась увлечь в открытое море.

Я глубоко нырнул и изо всех сил поплыл в направлении движения волны, а поднявшись затем на поверхность, обнаружил, что волна покатила дальше, и я свободен от плена этого могучего вала. Повернув в сторону предполагаемого берега, я постарался расслышать грохот разбивающихся о камни волн, чтобы плыть на этот звук сквозь завывающую вспененную мглу — и наконец до слуха моего донесся отдаленный треск: то рассыпался корпус «Придвена» на сем немилосердном берегу.

Я с трудом продвигался на этот звук и благодарил милостивого Бога за то, что умею хорошо плавать, и за то, что никакое тяжелое снаряжение не влечет меня ко дну. Недалеко от берега прямо перед собой я услышал придушенный вскрик и тут же натолкнулся на слабо барахтающегося человека — сначала он судорожно вцепился мне в плечи, но когда оба мы тут же пошли ко дну, отпустил меня и вынырнул на поверхность воды.

За ним вынырнул или, вцепившись человеку в бороду, догадался по ее длине, что нашел Мерлина. Не успели мы обменяться и парой слов (если такое вообще было возможно), как я почувствовал под ногами твердую землю и, криком ободряя старца, с силой оттолкнулся от dna. Легко, словно пару щепок, Нептун вышвырнул нас, сплетенных в тесном объятии, далеко на песчаный берег.

Несмотря на крайнюю слабость, мы все-таки отползли на несколько шагов от кипящих волн и некоторое время неподвижно лежали на песке, измученные до полусмерти. Когда же сердце мое перестало колотиться так, словно пыталось выскоочить из груди, я поднялся на ноги и велел старцу оставаться на месте, пока я буду искать на берегу оставшихся в живых людей. Я не успел отойти далеко, когда почувствовал чье-то присутствие за спиной и, обернувшись, увидел рядом бесстрашного старца. Я обнял провидца и почувствовал, как иссохшее тело его дрожит от холода под мокрыми одеяниями и как тяжело бьется его непобедимое сердце. И, не говоря ни слова, мы двинулись вперед вдвоем.

Никогда прежде наши сердца не были столь близки, как в тот час, когда можно было ожидать, что в первую очередь старец подумает о себе. Но бессмертный дух его погнал вперед немощное тело, презрев горе, шторм и катастрофу.

Воистину, несмотря на грешную сделку с Тьмой, обрекшую его на существование за пределами обычной жизни, несмотря на свои ошибки, Мерлин был настоящим человеком!

Мы продвигались сквозь насыщенный водой ветер и очень скоро наткнулись в темноте на чье-то тело. После некоторых усилий с нашей стороны человек с трудом вздохнул и заговорил — оказалось, это Марк, сын моей сестры. Он был сильно помят и побит волнами и жаловался на боль в голове. Мы нашупали у него на затылке рану и, как смогли, перевязали ее в темноте, столь густой, что я едва мог разглядеть собственные пальцы.

Я оставил Марка на попечение Мерлина и убедительно попросил обоих, как только юноша слегка оправится, возвращаться назад, внимательно смотря по сторонам. Сам же я отправился дальше. Долго искать мне не пришлось. Казалось, на берег были выброшены все наши люди — так часто в движении своем вдоль самой полосы прибоя спотыкался я о тела, лежащие в воде или на песке у воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.